Александр
ГЕРАСИМОВ

◆

НА ЛЕЗВИИ С ТЕРРОРИСТАМИ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)52
Г 37

Оформление обложки Ильи Кучмы

Герасимов А.

Г 37 На лезвии с террористами / Александр Герасимов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 384 с.

ISBN 978-5-389-34183-8

Александр Васильевич Герасимов возглавил Петербургское охранное отделение в 1905 году и руководил им в бурный предреволюционный период, когда политический террор принял невиданный размах. Воспоминания, впервые опубликованные Герасимовым в эмиграции в 1934 году, стали бесценным свидетельством эпохи и настоящим кладезем уникальных подробностей борьбы политического сыска против террористических организаций всех мастей и направлений. На страницах книги раскрываются тайны громких заговоров, изнанка работы с секретными агентами и детали сложнейших контртеррористических операций, координировавшихся на самом высоком государственном уровне.

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-389-34183-8

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Глава 1
ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

После тридцатишестичасовой поездки скорым поездом утром 2 февраля 1905 года я сижу в С.-Петербурге лицом к лицу с директором Департамента полиции А. А. Лопухиным. Он вызвал меня по телеграфу из Харькова.

— Вы должны взять на себя руководство Петербургским охранным отделением.

Я был знаком раньше с А. А. Лопухиным по Харькову, в бытность его прокурором Харьковской судебной палаты. Я знал его спокойным и сдержанным человеком. Но сейчас этот чопорный аристократ говорил с непривычной, повышенной нервозностью. Мною овладело чувство сопротивления, какое-то отталкивание. Колоссальный город, совершенно незнакомый; ведомственные лабиринты с возбужденной атмосферой работы и масса непредвидимых осложнений. Я думал в этот момент о солнечных садах в окрестностях Харькова, о размеренной службе в Харьковском охранном отделении, о своем спокойном сне. Правда, и Харьков уже не такая теперь провинция. В последние месяцы там не прекра-

щалось забастовочное движение среди рабочих. Там имеется университет с вечно беспокойной студенческой молодежью, питающей революционные кружки социалистических организаций и ведущей пропаганду среди рабочих. Но, конечно, в сравнении с туманным, мятущимся, революционным Петербургом Харьков — это глухая провинция. Безумные, всю Европу взволновавшие события 9/22 января (Красное воскресенье) дошли до меня в форме скупого телеграфного известия, которое я прочел с тревогой обеспокоенного патриота, — в сознании, что новая эпоха открылась в истории России. Но в служебном порядке мне нечего было делать с этими событиями, я был ограничен ролью наблюдателя издалека. И вот сейчас я должен очутиться в самом сердце этого опасного безумия, должен соучаствовать, распоряжаться, принять на себя ответственность.

Лопухин, по-видимому, заметил, что то чувство, которое вызвало во мне его предложение, никак нельзя назвать восторгом, и счел нужным добавить некоторые разъяснения.

— Вы знаете, что генерал Трепов назначен Его Величеством Санкт-Петербургским генерал-губернатором с неограниченными почти полномочиями. Чрезвычайные происшествия последних дней требуют и чрезвычайных мероприятий. Трепов нашел Петербургское охранное отделение в состоянии, которое ему абсолютно не понравилось. Он хочет совершенно преобразовать это

ведомство. Для выполнения этой задачи ему требуются особенно способные люди. Я предложил ему вас. Из всех знакомых мне жандармских офицеров вы кажетесь мне единственно подходящим.

Я излагаю свои сомнения:

— Конечно, эта задача требует всего человека. Но я не верю, что я — именно тот, кто здесь нужен. Руководитель петербургской охраны должен знать Петербург, как содержимое своего кармана. Я знаю хорошо только Харьков. Там моя работа может быть полезна. Я предпочел бы остаться в Харькове.

— В данном случае, — возразил Лопухин, — я бы на вашем месте не решился сказать «нет». Мне это безразлично, ибо я дольше не остаюсь здесь. Но… ведь вы знаете генерала Трепова. Он решил вас назначить и ежедневно по телефону справляется, когда вы здесь будете. Завтра утром в десять часов ваш прием у него. Если вы отклоните его предложение, можете считать свою карьеру законченной.

Я покинул Департамент полиции. За отсутствием каких-либо дел в этот день я бродил по Невскому проспекту. Какое зрелище открылось моим глазам! Опрокинутые плакатные столбы, разбитые витрины в магазинах, бесчисленные воронки в стенах от винтовочных пуль — все следы Красного воскресенья. Нежелание переселяться в Петербург значительно во мне усиливается.

Когда на следующий день я появляюсь в Зимнем дворце на аудиенции у Трепова, я ощущаю

в себе решимость отклонить назначение на пост руководителя Петербургского охранного отделения даже под угрозой, что мне вообще придется покинуть корпус жандармов. Хотя мне 44 года, но я не озабочен своим будущим. Небольшие средства, которыми я располагаю, предохраняют меня от нужды.

Трепов принял меня точно — секунда в секунду в назначенное время, в великолепном зале царского дворца, где в знак особой милости ему были отведены покои под квартиру, как и под ведомственное учреждение. Он говорил лаконично, языком приказа высшей военной власти — подчиненному.

— Мне нужен для руководства политической полицией способный офицер. Мне вас рекомендовали. Можете ли вы уже сегодня вступить в должность?

Теперь очередь была за мною. В результате долгого процесса углубления и размышления я ясно видел, что именно мне нужно сказать. Но до этого не дошло. Создавшейся ситуации, признаться, я не дорос: жандармский полковник из провинции, я стоял лицом к лицу в царском дворце с могущественным генералом Треповым, любимцем царя. Он приказывал — как можно было тут думать об отказе? Тщательно подготовленные мои соображения я не смел высказать. Все, что сконцентрировалось во мне в области возражений, свелось единственно только к вопросу Трепова, готов ли я уже «сегодня» вступить в должность.

— Сегодня, — сказал я, — совершенно невозможно. Я ведь должен сдать должность в Харькове, ликвидировать свое имущество, перевезти сюда семью.

— Сколько же времени вам для этого понадобится? Достаточно ли одной недели?

— По меньшей мере две.

Трепов секунду обдумывал.

— Итак, хорошо. Если только сможете, поспешите. Крайний срок — в этот же день через две недели.

Было уже поздно, но, придя несколько в себя, я счел нужным хоть некоторые мои сомнения изложить: Петербург мне совсем чуждая область, и, может быть, руководство охраной будет мне не по силам…

Трепов еле выслушивал меня.

— Я вам дам хорошего советника, — прервал он, — вы знаете Рачковского? Он будет с вами сотрудничать.

Удрученный, недовольный своим умением держаться, я вечером возвращался в Харьков. Будущее представлялось мне далеко не в розовом свете. Но сейчас уже все было решено. Нужно думать о том, как справиться с новыми задачами.

Две недели спустя, 17 февраля, я заявился на прием к Трепову. Он вновь меня принял немедленно. Как только я затворил за собой дверь, он в чрезвычайном возбуждении сказал мне:

— Мне только что телефонировали из Москвы, что убит великий князь Сергей Александрович.

Неизвестный бросил в него бомбу. Великий князь был разорван на части… Ужасная смерть…

Трепова нельзя было узнать. Глядя пред собой неподвижным взором, он непрестанно повторял: «Ужасно… ужасно…» Он был лично очень предан великому князю, долгие годы под его началом служил в качестве офицера, а затем, когда Сергей был назначен генерал-губернатором Москвы, в качестве московского оберполицмейстера. Жестокая смерть великого князя была для него катастрофой, постигшей одного из близких людей.

И меня эта страшная весть также глубоко взволновала. Ко всему, что потрясало Россию уже в течение месяцев, ко всем массовым восстаниям, забастовкам, террористическим актам, — ко всем этим безумным судорогам возбужденного народного организма, — покушение на дядю царя явилось как бы зловещим заключительным эффектом. Еще более тяжким и безумным, чем до сих пор, представлялось мне будущее. Как бы отвечая на мои мысли, Трепов сказал:

— Я узнал, что в Петербурге работает новая террористическая группа. Она недавно прибыла из-за границы. Ею подготовляются покушения на великого князя Владимира, на меня и кто знает на кого еще. Слушайте: ваша первая задача — ликвидация этой группы. Не горюйте о том, что это нам дорого обойдется. Любой ценой схватите этих людей. Поняли? Любой ценой!

В Департаменте полиции, куда я пришел после приема у Трепова, я застал всеобщее смятение.

За время моего следования в Департамент Трепов нанес туда короткий визит. Высшие чины Департамента передавали друг другу, что генерал-губернатор без доклада бурно ворвался в кабинет директора Лопухина, бросил ему в лицо одно слово: «Убийца!» — и хлопнул за собою дверью. Трепов открыто бросил обвинение начальнику Департамента полиции в неудовлетворительной постановке охраны великого князя. Ничего подобного не было еще в истории Департамента.

Вечером того же дня я вступил в должность. Петербургское охранное отделение занимало большой дом на Мойке. Я подымаюсь по лестнице и останавливаюсь в полном изумлении. В проходах снует масса народа. Кое-где дверь не закрыта. Я вхожу в комнату: за своим письменным столом сидит жандармский офицер, перед ним стоит какой-то человек в штатском. Жандармский офицер, уже осведомленный, кто я такой, приподымается с места и здоровается. Я спрашиваю, указывая на штатского:

— Кто этот человек? Арестованный?

— Нет, господин полковник, это тайный агент (секретный сотрудник).

— Что? — говорю я. — Тайный агент? Вы допускаете, чтобы секретный сотрудник ходил в охранное отделение? Но ведь это же совершенное безумие. Если его увидит кто-нибудь из террористов, он погиб.

— Простите, господин полковник, — отвечает офицер, — это незначительный агент, и он к тому же постоянно врет.

Я был ошеломлен. Было некстати сейчас разъяснять офицеру методы политической секретной агентуры. Я иду дальше и дальше изумляюсь. Все, что я в этот первый день и в последующий увидел в большом доме охранного отделения, уяснило мне, как был Трепов прав, считая, что здесь необходима радикальная чистка и в срочном порядке. Эти дефекты организации, эта перепутаница были карикатурой на политическую тайную полицию. Говорят: властители империи находятся под угрозой террористов — превосходно организованных, точно работающих, после тщательной подготовки молниеносно осуществляющих свои планы. Но аппарат, который должен их задержать, пересечь путь, выпытать планы и свести их на нет, этот аппарат ведет призрачное существование, противоречащее всем требованиям момента и лишенное всякой цели и смысла.

Уже в первый вечер я снесся с Рачковским, который к этому времени состоял при Трепове в качестве эксперта по секретным полицейским делам, влияя преимущественно изнутри и держась в тени. Рачковский явился ко мне и рассказал, что знал, о новой петербургской группе террористов. Это было немного. Без сомнения, группа, о которой говорил мне Трепов, существовала и подготавливала покушения. Но кто были эти люди, где они проживали? Рачковский не имел ни малейшей точки опоры, не знал ни одного, хотя бы самого незначительного, имени, которое можно было бы поставить в связь с ними. В тем-

ноте, ощупью он прилагал величайшие усилия для того, чтобы найти хотя бы одного (верного) человека, который мог бы завязать сношения с группой и доставить заслуживающие доверия известия.

Эту первую ночь в охранном отделении провел я за пустым письменным столом — в то время как вокруг меня офицеры и чиновники занимались своей непонятной деятельностью, — отчаиваясь и кляня свою судьбу, поставившую передо мною такую задачу. Мне ничего иного не оставалось, как сказать находящимся под угрозой террора высоким особам: «Террористы замышляют против вашей жизни. Они нам неизвестны. Мы не можем ничего против них предпринять. Мы можем вам только одно рекомендовать — если вам дорога собственная жизнь, не покидайте своих жилищ».

Так прошли, не продвигаясь вперед ни на шаг, три недели. Великий князь Владимир, брат которого Сергей только что погиб в Москве такой страшной смертью, генерал Трепов и ряд других высоких особ не могли передвигаться свободно. Не наложи они на себя домашнего ареста, они могли бы осмелиться показаться на улицу только под самой сильной охраной. Положение было совершенно невыносимое.

Глава 2
ТЕРРОРИСТЫ

На двадцать первый день моей деятельности в качестве руководителя Петербургского охранного отделения случилось нечто необыкновенное. Как всегда, я сижу ночью за письменным столом, как всегда, занимаюсь разбором и расчленением сообщений агентов, ищу в них следов террористов, комбинирую одну возможность за другой. Звонит телефон. У аппарата — полицейский чиновник. Он не говорит, он прямо кричит:

— Взрыв в гостинице «Бристоль», четыре комнаты разрушены, один убитый...

Не ожидая, не хочет ли он еще дальше сообщить что-нибудь, я выбегаю в переднюю, беру с собой одного чиновника, нанимаю первого извозчика на улице и еду в гостиницу «Бристоль».

Что случилось? Опять кто-нибудь из террористов пал жертвой? Извозчик подъезжает, я выхожу и оказываюсь перед горой разрушений. Четырехэтажная гостиница имеет 36 окон; все 36 лежат в осколках на улице среди кирпича и обломков мебели, выброшенных взрывом сквозь окна гостиницы. Динамит бушевал с ужасающей силой.

Было 4 часа утра, когда я вошел в гостиницу. Полуодетый, бледный как смерть, вышел мне навстречу владелец гостиницы. Он что-то бормотал невнятное. Я оттолкнул его в сторону и взбежал по ступеням вверх. Здесь посреди разрушенных комнат находилось самое место взрыва. Все комнаты этажа стояли открыты — взрыв сорвал все двери с петель.

Вступаю в место наибольших разрушений — в комнату № 27. Я был готов к самому худшему, но то, что мне привелось здесь увидеть, превосходило все представления. Обстановка комнаты и обломки стен лежали подобно куче мусора, и все эти обломки и клочья были там и тут усеяны мельчайшими частицами человеческого трупа. Поблизости разбитой оконной рамы лежала оторванная рука, плотно сжав какой-то металлический предмет, — картина, которую я не могу забыть.

Служащие гостиницы доложили мне, что жилец этой комнаты, исключительно красивый и жизнерадостный молодой человек, был заявлен в качестве богатого англичанина под именем Мак-Келлог. Образ молодого человека, жившего еще несколько часов тому назад, и его разорванный в клочья труп сплелись в моем представлении в одно странное, призрачное видение. Внезапно снова овладело мною острое оцепенение, которое, казалось, я уже преодолел. «Подобная же судьба, — думал я, — может постигнуть и меня... Отчего я не остался в Харькове?»

По всем обстоятельствам дела не было сомнений в том, что это был несчастный случай с террористом, заряжавшим бомбу. Бомбы террористов представляли опасность не только для великих князей и губернаторов, но также и для изготовителей этих бомб. Они содержали в себе горючие и взрывчатые вещества: серную кислоту, хлористый калий, гремучую ртуть и динамит, плотно прилегающие друг к другу в ломких сосудах. Принцип изготовления бомб заключался в том, что при ударе бомбой по твердому предмету стеклянная трубочка разбивается и находящаяся в ней серная кислота выливается на смесь хлористого калия с толченым сахаром; при соприкосновении с серной кислотой эта смесь воспламеняется и приводит к взрыву гремучую ртуть, которая в конечном счете вызывает взрыв уже собственно взрывчатого вещества — динамита. У человека, именовавшего себя Мак-Келлогом, во время заряжения бомбы разбилась в руке стеклянная трубочка. Быть может, он был неосторожен или устал.

Прошло еще некоторое время, пока мы узнали, что взрыв в гостинице «Бристоль» свел на нет один из самых значительных заговоров последнего времени и что павший жертвой несчастного случая «англичанин Мак-Келлог» был в действительности Макс Швейцер, руководитель тщетно разыскиваемой петербургской террористической группы. Покушения, для которых Макс Швейцер в своем гостиничном номере изготовлял бомбы,

должны были быть произведены через три дня, 14 марта. Наступала двадцать четвертая годовщина со дня убийства императора Александра II. На торжественную панихиду в церкви при Петропавловской крепости должны были, как каждый год, явиться властители официальной России, и адский план Швейцера состоял в том, чтобы использовать момент разъезда из церкви для покушения в массовом масштабе. Одновременно в память казни террористов 1881 года должны быть убиты бомбами четверо высших государственных людей России: главнокомандующий Петербургским военным округом князь Владимир, генерал-губернатор Трепов, министр внутренних дел Булыгин и его товарищ Дурново. Осуществление швейцеровского плана одним ударом обезглавило бы все русское правительство.

То, что таков был план террористов, я узнал позже, но уже тогда, после взрыва в гостинице «Бристоль», я не сомневался, что этот случай должен помочь мне попасть на след широко задуманного заговора. И все мои усилия были направлены сейчас на то, чтобы выследить членов группы.

Как раз в это время мы наконец нашли человека, который был в состоянии завязать сношения с террористами. Это был Николай Татаров, ссыльный революционер. Сын протоиерея варшавского кафедрального собора, лет около 28 от роду, Татаров был выслан в Сибирь за организацию революционной, нелегальной типографии.

Через посредство генерал-губернатора Западной Сибири графа Кутаисова Рачковский предложил Татарову довольно высокую сумму, и последний, в жажде денег и тяготясь ссылкой, выразил готовность поступить на службу в полицию.

Татаров приехал в Петербург и был без дальних слов принят в круг социалистов-революционеров, не имевших, естественно, никакого представления о его эволюции. Хотя его не посвятили в деятельность боевой группы, но он весьма скоро выяснил, что определенные лица поддерживают сношения с террористами, и назвал нам этих лиц. Этого было достаточно. Для политической полиции имя — не звук пустой. Имя, по которому можно найти человека, — это почти все...

Нужно отметить, что Татаров имелся в распоряжении Петербургского охранного отделения еще до моего приезда. Сношения с ним вел Рачковский, который мне намекнул, что у него имеется секретный агент, но в подробности не входил. Я не счел нужным расспрашивать, предполагая, что ничего существенного, что наводило бы на след террористической группы, у Рачковского нет. Я сосредоточил в своих руках все внешнее наблюдение, так сказать всю исполнительную власть, удовлетворившись заявлением Рачковского, что секретная агентура сконцентрирована в руках такого опытного человека, как Медников, которого вывез с собой по приезде из Москвы Зубатов. Но после взрыва в Бристоле мне пришлось переменить свое отношение к этому делу. На со-

браниях агентов, происходивших по вечерам в охранном отделении, выяснилась картина общей расхлябанности, которую далее переносить было невозможно. Я решил, оставляя Татарова за Рачковским, постепенно перенять всю секретную агентуру в свои руки…

Татаров назвал некоторые имена. В поисках названных лиц мы наткнулись на след одной женщины, старой революционерки Ивановской. Четверть века тому назад она приняла участие в организации покушения на Александра II, была тогда арестована и приговорена к пожизненной ссылке в Сибирь. После больше чем двадцатилетнего пребывания на каторге ей удалось бежать, и вот сейчас она вернулась в Петербург для участия в новых актах. Разумеется, она проживала здесь без всякой прописки, нелегально. У нас не было никакого сомнения в том, что она принадлежала к петербургской террористической группе.

Мы вели наблюдение за квартирой этой женщины в течение круглых суток; наши люди следили на улице за каждым ее шагом. Таким образом нам удалось установить личности всех ее знакомых без исключения, тем самым и членов петербургской террористической группы.

Рачковский высказывался против немедленных арестов. И по сведениям, полученным от Татарова, мы располагали еще временем, которое можно было затратить на дальнейшую слежку и наблюдение. Я оценивал, однако, ситуацию не так. Взрыв в гостинице «Бристоль» свидетель-

ствовал, что революционеры лихорадочно готовят свое выступление. В воздухе чувствовалась близость покушения. Когда у квартиры министра внутренних дел был замечен человек в фуражке посыльного, систематически дежуривший на улице, и когда этот посыльный при попытке ареста оказал вооруженное сопротивление, я решительно оборвал выжидательную тактику Рачковского. Необходимо было немедленно приступить к арестам.

С этого момента я взял в свои руки, помимо внешнего наблюдения, также и всю секретную агентуру.

Спустя три недели после взрыва в гостинице «Бристоль», 29 и 30 марта, вся террористическая группа числом в 20 человек была арестована и посажена в ту самую Петропавловскую крепость, которую она избрала ареной для своего массового убийства. За одним-единственным исключением, все эти аресты происходили без особых осложнений.

Наблюдения наши, предпринятые на основании сообщений Татарова, навели нас на дальнейшие изумительные следы: одно из подозрительных лиц принесло таинственный чемодан на квартиру некоего высокопоставленного лица, вращавшегося в знатном обществе при дворе, и оставило там этот чемодан для передачи племяннице этого лица, молодой девушке Татьяне Леонтьевой. Я не знал содержимого чемодана —

в нем могли быть и невинные вещи, — но я должен был сам в этом убедиться.

Полицейский офицер, которого я туда отправил с поручением исследовать содержимое чемодана, вернулся с пустыми руками. Высокопоставленный хозяин квартиры возмущенно возражал против полицейского обыска в его квартире; мой офицер был обескуражен и вынужден уйти.

Мною овладело подлинное возмущение. Мы преследуем опасную террористическую группу, а тут сановная особа становится на пути нашего расследования. Я посылаю вторично офицера, даю в его распоряжение несколько полицейских чиновников и уведомляю, что настаиваю на непременной выдаче чемодана. Если он не будет выдан добровольно, я возьму его силой. На этот раз офицер проявил решительность; он получил чемодан, открыл и нашел его до краев наполненным динамитом и составными частями бомб.

Этот случай — особенно после взрыва в «Бристоле» и ареста петербургской группы террористов — можно считать поворотным пунктом в деятельности охранного отделения: он означал собой начало политики твердой руки. И для меня лично он имел решающее значение. Я начал ощущать под собой прочную почву, сознавая всю важность занимаемой мною должности.

Содержимое чемодана повлекло за собой неизбежно арест адресата — Татьяны Леонтьевой. Это был совершенно исключительный случай.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ГЕРАСИМОВ

НА ЛЕЗВИИ С ТЕРРОРИСТАМИ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Алиса Павлова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.10.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-CPI-43598-01-R